

В этот момент один из советников подал голос:

— Святые мудрецы говорили: в беде человек стремится к свершениям, в благополучии — предаётся лени. Поговаривают, что Третий принц недавно привез из резиденции премьер-министра несравненную красавицу и выделил ей целый сад, подаренный самим императором. Он дни и ночи проводит с ней, забыв о государственных делах. Разве это не подтверждение слов мудрецов? Мы сейчас в трудном положении, но именно это — лучшее время для решительного рывка.

Наследный принц кивнул. Увидев, что настроение господина улучшилось, советник продолжил:

— Древние учили: открытое противостояние — удел слабых, скрытое — удел сильных. Власть подобна выгоде: если не бороться, её не занять. Но главный секрет борьбы за власть кроется в том, чтобы не бороться вовсе. Раньше ваше открытое соперничество с Третьим принцем лишь тревожило императора. Вы побеждали, а государь утешал его. Теперь же, когда вы якобы проиграли, император изменит свое отношение и будет вдвое усерднее утешать вас.

— Ты уверен в своих словах?

Советник привел в пример историю давнего соперничества со своим братом:

— Логика здесь та же, и государь мыслит точно так же.

Наследный принц задумался. Вспоминая годы борьбы с братом, он осознал: с самого детства Третий принц был умнее, он чаще побеждал, и все вокруг — от наставника до родителей и сановников — неизменно вставали на его сторону.

Принца словно осенило. Он кивнул и с похвалой произнес:

— Ты прав. Я все думал, почему отец в последнее время постоянно меня бранит, а оказывается, вот в чем причина.

Сказав это, принц бросил взгляд на Су Ушана. Тот витал в облаках, что вызвало у принца досаду. Если бы не подстрекательство Су Ушана, стал бы он заискивать перед этой кучкой нищих ученых? Принц холодно посмотрел на Су Ушана, а затем с жаром уставился на советника.

Заметив, что принц внимает его словам, советник добавил:

— У меня есть план, не знаю, стоит ли говорить.

— Говори скорее! — нетерпеливо воскликнул принц.

— Через три дня — день рождения императора. Мудрецы учили: хочешь завоевать сердце — предложи то, что ему по душе. Никто лучше Вашего Высочества не знает, что любит государь.

Принц погрузился в глубокие раздумья. Видя его озабоченное лицо, советник подсказал:

— Говорят, государь любит каллиграфию и живопись.

Принца будто ударило током.

— Точно, точно! — вспомнил он. Когда они с братом еще учились, наставник и отец в своих беседах упоминали, что мечтают заполучить работу Се Сичжи «Поминание племянника, написанное в ночной дождь», но никак не могут её найти. Тогда он запомнил это, даже пытался искать, но позже, погрузившись в борьбу с братом, совсем забыл об этом.

Принц резко вскочил:

— Отец одержим работами Се Сичжи, но никто не знает, что один из его свитков затерялся в мире людей. Это его заветная мечта! Но до дня рождения всего три дня, где мне его достать?

Услышав имя Се Сичжи, глаза советника блеснули:

— Это случайно не «Поминание племянника, написанное в ночной дождь»?

Принц был поражен:

— Откуда ты знаешь?

Советник сдержанно пояснил:

— До того как попасть во дворец, я три года прожил в храме Сушань. Там я подружился с одним странствующим монахом. Перед моим уходом он подарил мне свиток на память. Это именно та работа.

Принц пришел в восторг:

— Скорее, принеси его!

Советник сделал озадаченное лицо:

— В мире полно подделок, я не смею утверждать, подлинник ли это. К тому же свиток хранится в моем доме за пределами дворца, я не ношу его с собой.

Принц кивнул:

— Ты рассуждаешь здраво. Позови того монаха из храма Сушань, мы спросим у него.

— Тот монах ныне настоятель храма, ему неудобно входить во дворец, — ответил советник. — Вам придется выйти со мной, чтобы забрать его.

Принц широким жестом, полный решимости, согласился. Су Ушан, наблюдавший за всем со стороны, не проронил ни слова.

Чувствуя себя в полной безопасности, принц пребывал в отличном расположении духа и пожаловал советнику и Су Ушану по прекрасной служанке. Су Ушан отказался, а советник, посмеиваясь, сказал:

— Господин Су, какой вы скучный. Отдайте-ка мне обеих!

Советник, обнимая девушек, удалился. Су Ушан смотрел на яркую луну за окном и не мог сдержать тоски.

Под той же самой луной Третий принц и Се Цзыци играли в шахматы. Цзыци сделал ход:

— Как продвигаются дела со свитком?

Третий принц ответил своим ходом:

— Я давно заложил фигуру в стане наследного принца. Только что пришло известие: он клюнул. Завтра свиток окажется у него в руках.

За окном поднялся ветер, разметав лепестки сливы.

— На все воля небес, — заметил Се Цзыци. Ему даже не пришлось их срезать — они опали сами.

Третий принц посмотрел на восточный ветер и вдруг произнес:

— Восточный ветер дует, боевые барабаны гремят.

Он пристально посмотрел на Цзыци:

— Завтра я уезжаю в армию, проводи меня сегодня в путь.

Принц приказал принести два кувшина вина. Отставив доску, он, отбросив привычную утонченность, принялся пить большими глотками.

— Я пью, а ты — как хочешь.

Принц в одиночку осушил кувшин, захмелев. Цзыци не притронулся к вину.

— Говорят, вино смывает тысячи печалей, почему же моя лишь растет? Почему принц уже в ловушке, а мне отчего-то не радостно?

Принц, подперев голову рукой, лежал на столе и протянул руку с кувшином к Цзыци, но тот не

взял. Принц горько усмехнулся:

— Цзыци, почему ты не пьешь? Я заварил чай — ты не пьешь. Я приготовил вино — ты не пьешь. Я настолько тебе противен?

Се Цзыци промолчал. Принц отставил вино и приложился к горлышку сам.

— Цзыци, я знаю, ты презираешь меня. Да, я деспотичен и своеволен. Но почему ты видишь во мне только это?

Цзыци смотрел прямо на него, словно собираясь что-то сказать.

— Молчи. Послушай меня хотя бы раз. В день моего рождения с небес пролился дождь, прекративший трехмесячную засуху в уезде Шубэй, и родители называли меня счастливой звездой. В учебе наставник хвалил мой острый ум. С девяти лет я участвовал в советах, и сановники верили мне. Но почему, когда мы стояли рядом с наследным принцем, в глазах родителей был только он? Почему наставник, хваля меня, учил лишь его? Почему, когда я преуспевал в делах, меня изгоняли из столицы? Мне было всего десять, я был ребенком, который хотел прильнуть к отцу и матери! Почему они позволили этому случиться? Почему я должен всю жизнь быть лишь тенью, помогающей императору? Чем я хуже этого никчемного, жирного, как свинья, существа? Только тем, что родился на год позже? Я не хочу больше терпеть. Мать умерла, меня вызвали в Цзинхуа. Теперь я окреп. На этот раз я не уйду, и никто не заставит меня уйти. Я собираю таланты, переманиваю чиновников — я хочу, чтобы отец знал: то, что он не дал мне сам, я возьму силой.

Вспоминая прошлое, принц едва не задохнулся от рыданий:

— Я думал, что мое сердце очерствело, но полюбил тебя. Ты спросишь, почему? Потому что ты не такой, как они. Ты умеешь быть преданным одному человеку. Отец не таков: он делит любовь на части. Наставник не таков: он любит себя больше всего, потому и предал принца, уехав в деревню, боясь раскрыть тайны, чтобы сохранить голову. Чиновники не таковы: они выбирают между старым императором и юным принцем, склоняясь туда, где больше выгоды.

— Мое сердце мало, в нем есть место лишь для одного. Разве я не могу найти того, кто полюбит только меня? — в глазах принца блеснули слезы.

Се Цзыци посмотрел на пьяного в стельку принца и впервые в жизни нарушил молчание:

— Неужели любовь так важна?

— Да.

Затуманенным взором принц смотрел на Цзыци, потянулся было к его руке, но сдался и лишь ухватился за рукав, улыбаясь:

— Цзыци, я скоро стану императором. У нас будет целая жизнь, чтобы быть вместе.

С этими словами он уснул, положив голову на руки. Цзыци впервые по-настоящему взгляделся в его лицо. Роскошный принц, в чертах которого читалась гордость, с длинными ресницами, отбрасывавшими тени на лицо, — он казался таким хрупким и изможденным от усталости.

Цзыци смотрел на него, и мысли его путались. Стоит ли скрывать свою натуру, бороться и идти напролом ради неразделенной любви? Стоит ли это того?

Любовь порождает собственничество, ревность и контроль, заставляя людей терять рассудок. Почему она вообще существует? Разве плохо быть одному? Се Цзыци, лишившийся родителей в детстве, прочитавший тысячи книг и объездивший весь мир, но никогда не знавший любви, не мог этого понять. Он смотрел на дрожащий огонек лампы, погружившись в оцепенение.

Затем он вышел в сад, поднял с земли лепесток сливы и вдохнул его тонкий аромат.

— Быть может, — прошептал он, — слива ни в чем не виновата.

За ночь разыгралась буря, сбив с веток множество цветов. Се Цзыци стоял в саду и прикинул время: Лю Цзию должен был передать девятую главу в газету Цзинхуа. Лишь бы ничего не случилось.

Как он и предполагал, Лю Цзию только что вышел из дома, прижимая к груди рукопись. В резиденции премьер-министра царило напряжение. После ухода Се Цзыци Лю Цзию лишился защиты, и третий молодой господин Лю Чжэ постоянно искал повод придраться к нему. В этот раз Лю Цзию пришлось приложить немало усилий, чтобы выбраться из дома через лаз для собак.

Отряхнувшись от пыли, он зашагал прочь. Через полчаса в его убогом дворике появился разъяренный Лю Чжэ:

— Где он? Искать повсюду!

Слуги принялись рыскать по комнатам.

— Молодой господин, никого! — Лю Чжэ уже готов был взорваться, но тут один из слуг подбежал к нему с узлом:

— Господин, это то, что он прятал.

— Открыть! — слуга почтительно развязал узел. Внутри оказались книга и свиток. Лю Чжэ мельком взглянул на них, развернул — и лицо его побагровело от ярости:

— Этот негодяй посмел припрятать работы Се Цзыци! Какой наглец!

— Господин, не гневайтесь. Позавчера я был дома и слышал от соседа-книжника, что он видел нашего четвертого господина в книжной лавке Лунмэнь, он там как свой.

— Идем в лавку!

В лавке Лунмэнь «маленький третий господин» с нетерпением ждал:

— Ох, явился! Если бы ты не пришел, мы бы завтра не смогли напечатать газету!

Он бросился к Лю Цзию и потащил его внутрь. Лю Цзию был бледен:

— Дайте хоть воды попить.

Третий господин выхватил чайник у мальчишки-слуги и налил ему чаю. Глядя, как Лю Цзию не спеша дует на напиток, он едва не рвал на себе волосы:

— Ну почему нельзя принести всё сразу? Завтра последняя глава, будь порасторопнее!

Лю Цзию, выпив чай, достал из-за пазухи сверток:

— Вот, девятая глава.

— Погоди, — раздался голос от дверей.

Вошла группа людей: впереди — знатный господин, за ним — ученый муж и суровые стражники. Ученый кивнул главарю и скомандовал:

— Окружить!

Стражники вмиг взяли Лю Цзию и третьего господина в кольцо, разогнав остальных посетителей. Знатный господин с небрежным видом опустился на главное место, попивая чай. Ученый вырвал рукопись из рук Лю Цзию и с поклоном передал её господину. Тот бегом просмотрел текст, даже не взглянув на юношу, и едва заметно кивнул ученому.

— Увести его, — бросил ученый.

Лю Цзию, собравшись с духом, крикнул:

— Я четвертый сын из резиденции премьер-министра! Кто вы такие, чтобы творить беззаконие под носом у императора?

Господин лишь презрительно усмехнулся, даже не обернувшись, и сел в паланкин. Лю Цзию, со связанными руками, потащили следом. У дверей они столкнулись с Лю Чжэ и его слугами. Увидев Лю Цзию, слуга хотел закричать, но Лю Чжэ рявкнул:

— Замолчи! Уходим!

Он проводил взглядом удаляющийся паланкин.

— Господин, его похитили, может, доложим премьер-министру? — робко спросил слуга.

Лю Чжэ, сжимая в руках книгу и свиток, отрезал:

— Не нужно.

Лю Цзию, сидя в паланкине, охватил страх. Увидев в толпе Лю Чжэ, она сначала обрадовалась, но тут же поняла: такой, как он, не станет её спасать. Учитель говорил: не будь глупой. Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и постаралась успокоиться. Нужно понять, кто её похитил и зачем, только так можно выжить. В Цзинхуа на такое способны лишь члены императорской семьи или их приближенные.

Когда паланкин остановился, она вышла и замерла: бесконечные павильоны, дороги из белого нефрита — всё это внушало трепет. Вспомнив наставление учителя, она взяла себя в руки. Ученый, стоявший рядом, заметил:

— Ты так юна, а уже такая выдержка. Хотя я слышал, что в резиденции тебя не жалуют и даже грамоте не обучили.

В глазах Лю Цзию мелькнуло удивление, но она промолчала. Ученый не стал настаивать и приказал увести её.

Повернувшись к знатному господину, он доложил:

— Поздравляю, обе задачи выполнены.

Тот, чей вид заметно прояснился, спросил:

— Ты уверен, что этот нелюбимый сын из резиденции связан с той красавицей, которую Третий принц вывез из дома премьер-министра?

— Вероятность сорок процентов.

Господин кивнул и распорядился:

— Раз Третьего нет дома, ступай и привези эту красавицу. — Он бросил ученому нефритовую подвеску, и тот удалился.

В резиденции Третьего принца Се Цзыци сидел под деревом. Внезапно ворвались люди. Хэй Хун выхватил меч, заслонив собой Цзыци, а Вэнь Чоу встали по бокам.

— Ого, какая защита, — усмехнулся ученый. — Не важно, кто я, важно, кто хочет забрать его.

Он показал подвеску. Хэй Хун замер. Ученый махнул рукой, и шестнадцать стражников вмиг окружили охрану, обезоружив их. Хэй Хун свистнул, и с неба на стражников налетела стая ворон, клюя их в глаза. Стражники заметались, катаясь по земле.

Пользуясь суматохой, Хэй Хун и Вэнь Чоу попытались защитить Цзыци. Ученый не удивился. Он вытащил из рукава еще одну подвеску и помахал ею перед лицом Цзыци.

— Эту вещицу вы должны знать. Её хозяина только что забрали из лавки Лунмэнь. — Он бросил подвеску на землю и улыбнулся: — Ой, рука дрогнула. Если вы не пойдете со мной, боюсь, с тем юношей случится то же, что и с подвеской. Например, с него сдерут кожу или переломают ноги.

Цзыци, молчавший до этого, вдруг произнес:

— Ведите меня.

Хэй Хун опешил:

— Господин, Его Высочество приказал вам не покидать резиденцию!

— Это вас не касается.

Когда Цзыци увели, Вэнь Чоу крикнул Хэй Хуну:

— Надо сообщить Его Высочеству!

Хэй Хун остановил его:

— Нет. У Его Высочества важные дела в армии, никто не смеет его беспокоить.

— Но он приказал докладывать обо всем, что касается господина Цзыци!

— Важнее дела принца или Цзыци? — рявкнул Хэй Хун. — Ждите до дня рождения императора.

К вечеру Се Цзыци, со связанными за спиной руками и завязанными глазами, доставили в небольшой флигель. В комнате было темно, он сидел неподвижно, обострив слух. Слышалось лишь жужжание насекомых да шаги за стеной — должно быть, это была тихая улица.

Вскоре послышался шум дождя, барабанившего по черепице и стекавшего на каменные плиты. Дождь то усиливался, то стихал.

Наконец, капли стали редкими. Раздался старческий голос:

— Продаю абрикосовые цветы... Кто купит свежие абрикосовые цветы...

Наступило утро следующего дня.

<http://bllate.org/book/19854/1954663>